

разовании государственного музея антропологии, этнографии и археологии академиком В.В. Радловым // Курьер Петровской Кунсткамеры. 1995. Вып. 1. С. 82–85.

Решетов А.М. Василий Владимирович Бартольд // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1995 а. Вып. 2–3. С. 37–53.

СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. № 823. Л. 101.

Станюкович Т.В. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. 1714–1964. Л., 1964.

Формулярный список о службе [Л.Я. Штернберга]. 25 января 1902 г. — 14 августа 1927 г. // СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. № 823.

Черняков З.Е. Выставка первобытных орудий и оружия // Этнография. 1928. № 1. С. 119–123.

Штернберг Л.Я. Музей антропологии и этнографии императорской академии наук в период 12-летнего управления В.В. Радлова. 1894–1906 // Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова. СПб., 1907. С. 29–104.

Штернберг Л.Я. Русские этнографические музеи // Живая старина. 1911. Вып. III–IV. С. 453–472.

Штернберг Л.Я. Двухвековой юбилей русской этнографии и этнографических музеев // Природа. 1925. № 7–9. С. 46–66.

Штернберг Л.Я. Музей антропологии и этнографии. Человек и природа. 1925 а. № 9. С. 46–66.

Kan S. Lev Shternberg: anthropologist, Russian socialist, Jewish activist. Series: Critical Studies in the History of Anthropology / University of Nebraska Press. Lincoln and London, 2009.

П.А. Матвеева

**«Музей общечеловеческой культуры»
(еще раз о роли Л.Я. Штернберга и В.В. Радлова
в становлении МАЭ)**

В мае 2011 г. с целью выявления и публикации материалов из личных архивов потомков В.В. Радлова я отправилась в краткосрочную командировку в Казань. Моей задачей было взять интервью у доктора химических наук, профессора Вильяма Петровича Барабанова, правнука академика В.В. Радлова. В результате поездки у меня в руках оказались ценные материалы, которые были любезно переданы

в Музей Вильямом Петровичем и его родной сестрой Ариадной Петровной — правнучкой В.В. Радлова. В их числе — черновик текста торжественной речи, которая была произнесена коллегами В.В. Радлова 14 мая 1909 г., в день 50-летия его научной деятельности в России. Этот текст меня особенно заинтересовал. К сожалению, ни Вильям Петрович, ни его сестра не знают, кем этот текст был составлен и чьей рукой написан. Очевидно, что в нем присутствуют три разных почерка. Кому принадлежат первые два, пока установить не удалось; что касается третьей (и самой большой) части текста, то детальное изучение личной переписки Л.Я. Штернберга в составе ф. № 282 СПФ АРАН (Фонд Л.Я. Штернберга) дает основание сделать вывод, что текст написан именно им.

Существует огромное количество статей, рассказывающих о научных достижениях этого человека, вместе с В.В. Радловым фактически «сделавшего» Музей в том виде, в каком он существует по сей день. Идея создания *музея общечеловеческой культуры* тогда буквально витала в воздухе. Эта задача была первоочередной для В.В. Радлова, благодаря которому создавался Музей, формировались коллекции и осуществлялись экспедиции. Она стала таковой и для всей его «команды», точно так же фанатично приверженной музейному делу, как и он сам.

Безусловно, каждому человеку в этой команде была отведена своя роль. И если В.В. Радлов зачастую выступал организатором всего музейного процесса с организационно-финансовой точки зрения, то Л.Я. Штернберг был его правой рукой и не менее замечательным *организатором науки*. Именно благодаря ему Музей приобрел не только ряд первоклассных коллекций, но и целые этнографические отделы.

Интересно, что идея создания *музея общечеловеческой культуры*, как его называли его же создатели, или *музея эволюции человека и человеческой культуры*, фактически никогда и никем не формулировалась, но эти словосочетания в незначительных вариациях стали своего рода знаменем нового периода в жизни Музея и встречаются практически во всех документах, отражающих различные стороны деятельности МАЭ. В своих воспоминаниях о том периоде музейной жизни супруга Л.Я. Штернберга С.А. Штернберг говорит о том, что «с самого начала Л.Я. (*Штернберг. — П.М.*) мыслил Музей как

учреждение, имеющее представить полную картину человеческой культуры, и не только в настоящем, но и в прошлом, не только в ее статистике, но и в динамике, в процессе ее эволюции и вариационности» [Штернберг 1928: 36].

Л.Я. Штернберг и В.В. Радлов расстались «со старым воззрением на Музей как на учреждение, задачи которого касаются преимущественно России, ибо, если цель этнографического музея — построение *эволюции человеческой культуры*, то ареной деятельности его является весь мир. И всякое принципиальное разграничение музейной деятельности отдельной территорией или национальностью совершенно извращает основную задачу Музея как научного учреждения, посвященного проблемам эволюции. «Вот почему Музей с одинаковым рвением ищет необходимых для него научных материалов и вблизи, и вдали, в близкой родной России, и в самых отдаленных чуждых уголках мира» [Ко дню 70-летия В.В. Радлова 1907: 55–56]. Эта формулировка, касающаяся *музея общечеловеческой культуры*, встречается и в первой части текста, впервые публикуемого в данной статье.

Но самое, пожалуй, интересное заключается в последних строках этого текста. Там идет речь о некоей «священной ткани, служащей символом любви и благожеланий у сотен миллионов людей, столь прекрасно представленных своими верованиями в <...> Музее». На ней авторы текста «начертали те немногие слова», адресованные В.В. Радлову в памятный день.

Речь, возможно, идет о *хадаке* — длинном ритуальном шарфе, буддистском символе гостеприимства, чистоты и бескорыстия даящего, дружеского и радушного отношения. *Хадак* может быть преподнесен по любому праздничному поводу, такому как свадьба, рождение ребенка, прибытие-отбытие гостей и пр. Согласно Н.М. Пржевальскому, «при визитах здесь (в Тибете. — П.М.) меняются друг с другом взамен карточек так называемыми *хадаками* — небольшими, в виде платка или чаще полотенца, отрезками белой или зеленоватой шелковой материи различного качества, смотря по состоянию и взаимному отношению знакомящихся лиц» [Пржевальский 1883: 259]. В Тибете *хадак* преподносят в виде поздравления по случаю праздника, для пожелания удачи, при встрече и проводах,

в качестве награды, в виде подношения ламам и святым, по случаю окончания строительства дома.

А.М. Решетов пишет, что *«хадак»* считается дорогим подарком: дарящий его выражает свое уважение, любовь, преданность и даже покорность и преклонение; два последних момента особенно подчеркиваются при посещении монастырей. *Хадаки* настолько прочно вошли в повседневную жизнь, что обычно тибетцы носят с правой стороны куртки на короткой лямке мешочек для них» [Решетов 1973: 238]¹.

Хадак надевают на шею гостю или повязывают на дерево возле *обо* или *бурхана*. В Тибете *хадак* изготавливают из неокрашенной ткани — хлопчатобумажной или шелка, а в Бурятии он может быть белого, синего, желтого и зеленого цветов. Особенно популярен голубой цвет, символизирующий небо или долголетие. В коллекциях МАЭ имеется несколько *хадаков* (№ 5959–3, 5959–4, 5959–20, 5959–48). На выставке «Между Туркестаном и Тибетом: салары» представлены два *хадака*, преподнесенные выдающемуся российскому тюркологу Э.Р. Тенишеву [Резван 2010: 348, 350].

Судьба *хадака*, который Л.Я. Штернберг и его соратники преподнесли В.В. Радлову в памятный день 14 мая 1909 г., к сожалению, неизвестна: ни в коллекциях МАЭ, ни в личных архивах потомков В.В. Радлова обнаружить его не удалось.

Ниже приведен текст поздравления. Орфография и пунктуация сохранены.

В.В. Радлову Алтай 1859 г. С.-Петербург 14 мая 1909 г.

Сегодня, дорогой Василий Васильевич в торжественный момент, когда люди, по выражению историка, любят класть камень на дороге времени, чувствуя потребность оглянуться назад на долгий пройденный путь, сегодня обозревая полувековой путь Вашей деятельности, путь непрерывного труда и неиссякаемой энергии, здесь будут говорить о Ваших огромных заслугах перед наукой, разносторонних талантах, творческой инициативе и активности, которые

¹ Такой мешочек из коллекции МАЭ (№ 2563–24), сшитый из кусков желтого, красного и синего шелка, завязывается шнурком с двумя красными кистями. См.: Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. Пг., 1919. С. 284, 455 (указатель).

*Вы проявили на всех поприщах и во всех областях, которых только коснулась Ваша легкая, счастливая, творческая рука. * * **

Сегодня день итогов...

*Итоги естественно просятся с уст и Ваших сотрудников по музею, в сборнике, посвященном Вашему семидесятилетию подвели итоги Вашему 12му руководительству Музеем, Вашей неутомимой и творческой деятельности благодаря которой из забытого и забитого склада этнографических и антропологических предметов Музей превратился за годы Вашего управления в серьезное, живое и растущее учреждение, в научную лабораторию для специалистов, ценное воспитательное учреждение для молодежи и широких масс населения. Теперь эти итоги еще более выросли за истекшие годы. И теперь, в эту самую минуту Вы полны новых планов, новых мечтаний о дальнейшем процветании нашего Музея, Вы заняты в эти дни мыслью еще шире раздвинуть стены нашего переполненного помещения, дав ему широкий простор, достойный вместилница памятников великой эволюции человека и человеческой культуры. * * **
(Автор неизвестен. — П.М.)

Но не об этих итогах, быть может, еще более видных посторонним, чем нам, мы больше всего хотели бы говорить в этот радостный момент. Мы, которым выпало на долю работать вместе с Вами изо дня в день, видеть Вас не только в праздничных одеждах конечных успехов, но и в серых одеждах повседневных будней, в которые глубже и яснее познается человек, мы хотели бы говорить о том, без чего объективные заслуги Ваши остались бы холодным памятником, не согретым лучами лучших сторон Вашей цельной натуры. (Автор неизвестен. — П.М.)

Мы хотели бы говорить о величавой и обаятельной простоте Вашей, этом высшем признаке всякой неподдельной силы, простоте, с которой Вы изо дня в день одинаково тихо и легко делали черную работу повседневности и осуществляли широко задуманные планы, преодолевая нередко огромные препятствия, не ощущая при этом сами и еще менее давая чувствовать другим ни тяжести своих забот, ни Ваших преимуществ, ни Вашего руководства, - и этой простотой Вашей Вы создали в нашем дорогом учреждении атмосферу легкого, радостного, солидарного труда, чуждого трений личностей и самолюбий.

Мы хотели бы говорить о Вашем природном гуманном идеализме, для которого Ваши идеализм философский является только маленьким украшением, природном идеализме, который без категорических императивов, без всяких усилий сеет, как природа, вокруг себя доброе и прекрасное. Мы хотели бы говорить о Вашей высокой и простой человечности, с которой Вы во всякую минуту готовы были откликнуться на каждое отдельное горе, без всяких колебаний жертвуя в таких случаях своим досугом, своими трудами, нередко и самолюбием. Мы хотели бы говорить о Вашем высоком беспристрастии к людям, которое всегда ставило дело выше личностей, нередко жертвовав своими личными симпатиями ради интересов учреждения. Наконец, хотели бы говорить о Вашем редком даре привлекать людей, заражать их своей жизнерадостностью и энтузиазмом.

Заканчивая наше приветствие, мы хотели бы напомнить Вам изречение великого поэта Вашей старой родины. Он делил людей на природы прекрасные, которые служат человечеству тем одним, что они есть, и на те, которые служат ему трудом.

Вы служили человечеству и тем, и другим.

И да будет Вам слава! И да будет нам дано еще долго, долго не разлучаться с Вами, прекрасным и сильным!

На этой священной ткани, служащей символом любви и благожеланий у сотен миллионов людей, столь прекрасно представленными своими верованиями в нашем Музее, мы начертали те немногие слова, которые так скупо приходят на уста именно тогда, когда сердца переполнены. (Л.Я. Штернберг. — П.М.)

Библиография

Ко дню 70-летия В.В. Радлова. СПб., 1907.

Пржевальский Н.М. Третье путешествие в Центральную Азию. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. СПб., 1883.

Резван Е.А. Между Туркестаном и Тибетом: зарплат. СПб., 2010.

Решетов А.М. Тибетская коллекция МАЭ (Духовная культура) // Культура народов Зарубежной Азии (Сборник МАЭ. Т. XXIX). Л., 1973.

Штернберг С.А. Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук (по личным воспоминаниям, литературным и архивным данным) // Сборник МАЭ. 1928. Т. VII. С. 36–71.

Текст торжественной речи, произнесенной 14 мая 1909 г.

- 1 -

ВВ Раглову Алтай 1859г С-Петербург 14 мая 1909
 Сегодня, дорогой Василий Васильевич в торжест-
 венный момент, когда люди, по выражению исто-
 рика, любят класть камень на дороге времени,
 чувствуя потребность отступить назад
 на длинный пройденный путь, сегодня обозреваю
 полувековую путь Вашей деятельности, пути
 непрерывного труда и неиссякаемой энергии,
 здесь будут говорить о Вашей огромной
 заслугах перед наукой, разносторонних
 талантах, творческой инициативе и
 активности, которые Вы проявили на
 всех поприщах и во всех областях, кото-
 рых только коснулась Ваша легкая,
 счастливая, творческая рука. * * *

Сегодня день итогов.....
 Итоги естественно проследятся счет
 и Вашей сотрудников по музею,
 в сборнике, посвященному Вам и Вашему семидесятилетию
 подводят итоги Вашему
 12-ти руководителству Музею, Вашей
 неутомимой и творческой деятель-
 ности, благодаря которой из забытого
 и забытого склада этнографических и
 антропологических предметов.

Музей превратился за годы Вашего управ-
 ления в серьезное, живое и растущее
 учреждение, в научную лабораторию

для специалистов, ценное воспитательное учреждение для молодежи и широких масс населения. Теперь эти итоги еще более выросли за истекшие годы.

И теперь, в эту самую минуту Вы полны новых планов, новых мечтаний о дальнейшем процветании нашего Музея, Вы заняты в эти дни мыслью еще шире развить стены нашего переполненного помещения, дать ему широкий простор, достойный вместилища памятников великой эволюции человека и человеческой культуры* * * *

Но не об этих итогах, быть может, еще более видных ~~посторонними~~ ^{посторонними} чужим нам, мы бы все же хотели бы говорить в этот радостный момент. Мы, которым выпало не только работать вместе с Вами из дня в день, видеть Вас не только в праздничных одеждах, конечно, успехов, но и в серых одеждах повседневных будней, в которых шубки и жакеты остаются человеком, мы хотели бы говорить о том без чего объективной записи Вами остались бы великими памятниками, не сохранились лучшими сторонами Вашей цельной натуры. Мы хотим бы говорить о величавой и откровенной простоте Вашей, том высшем признаке великой неподдельной силы, прост-

те, с которыми Вы изо дня в день оди-³наково рихи и легко делаете черную ра-
боту повседневности и осуществляем ши-
роко задуманные планы, преодолевая перед-
ки огромные препятствия, не ощущая при этом
садин и еще менее давая почувствовать другим
ни рожески своих забот, ни Ваших преимуществ,
ни нашего руководительства, - и Трой продолжает
Вашей Вы создали в нашей дороге угрозиде-
нии атмосферу легкой, радостной, солидарной
трудо, нужной Треним личности и самозабвения.

Мы хотим бы говорить о Вашем природ-
ном гуманном идеализме, для которого Ваш
идеализм финновский является только малень-
ким украшением, природном идеализме, кото-
рый без категорических императивов, без вы-
ших уединенный след, как природа, возмуж себе
доброе и прекрасное. Мы хотим бы говорить
о Вашей высокой и простой человечности, с кото-
рой Вы во всякую минуту готовы были от-
кликнуться на каждую аудиторную горе, без
всяких колебаний жертвует в таких случаях
своим досугом, своим рудам, нередко и са-
мозабвением. Мы хотим бы говорить о Вашем
высоком беспристрастии к людям, которое
всегда ставило дело выше личности, нередко
жертвовали своим личным симпатичным
рядом интересов учреждения. Конечно, хотим
бы говорить о Вашем редком даре привлекать
людей, заражать их своей жизнью радостностью

и индивидуализмом.

Заканчивая наше приветствие, мы хотели бы напомнить Вам изречение великого поэта Вашей старой родины. Он гласит: люди не мерзят прекрасное, которые служат человечеству тем одним, что они есть, и не те, которые служат ему трудом.

Вы служите человечеству и тем, и другим.

И да будет Вам слава! И да будет нам дано еще долго, долго не разлучаться с Вами, прекрасным и симпатичным!

На днях священный огонь, символ символов любви и благожеланий у сотен миллионов людей, стоял прекрасно представленный своим верованиями в немилый музей, мы намерены те немилые слова, которые так скупно приходят на уста именно тогда, когда сердца переполнены.